

Григорий Миненков

**ПОВТОРЕНИЕ И РАЗЛИЧИЕ:
ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ СОВЕТСКОЕ...**
Вступительное слово от главного редактора

Ryhor Miniankou

Repetition and difference: rethinking the Soviet ...

Introduction from the Editor-in-Chief

The processes characteristic of post-Soviet / postcommunist societies are often described with the help of the term “(social, historical) nostalgia”. It is obvious that the forms of manifestation of nostalgia are determined by cultural contexts, the place that nostalgia bearers occupy in the present. No matter how we may evaluate the current restoration efforts regarding the Soviet past we need, first of all, an analytical approach to the problem, namely the understanding of the inevitability of this process, analysis of how it fits into the past, present and future, and the search for models for its adequate explanation. It is in this vein that the authors of the papers of this issue address the problem of the Soviet and post-Soviet.

Для описания процессов, характерных для постсоветских/посткоммунистических обществ, часто используют термин «(социальная, историческая) ностальгия». Ностальгия буквально есть тоска по дому. Этот «дом» может выражать разные культурные смыслы, но в любом случае тоска появляется тогда, когда в массовом сознании возникает ощущение бездомности – социальной, национальной, культурной... В нашем случае это тоска по советскому дому. К этому зачастую добавляются демагогические политические манипуляции правящих группировок подобной тоской ради сохранения и укрепления собственной власти.

В ходе распада коммунизма и советской системы радикально менялись повседневная жизнь людей, традиции,

стандарты, привычки, что сопровождалось распространением утопических представлений о том, что вместе с новым обществом сразу же придут благоденствие, новый образ жизни и т.п. Однако надежды в силу многих причин стали сменяться разочарованием, что побуждало искать положительные ценности и опору в ушедшем советском прошлом. На это наложились очень сложные процессы изживания империи и имперского/колониального сознания. Все эти процессы к тому же имеют место на фоне общей ситуации социальной неопределенности в современном глобальном мире.

В своем исследовании данной проблемы С. Бойм предлагает различать реставрирующую и рефлексивную ностальгию. С одной стороны, мы можем наблюдать попытки буквально реставрировать определенные советские ценности и формы жизни. Практически это уже невозможно, советская Атлантида медленно, но неуклонно опускается в пучину времени. С другой стороны, рефлексивное начало, зачастую под видом «гламурной реставрации», тут проявляет себя очень активно. «Рефлексивная ностальгия говорит о невозможности возвращения домой и осознает свою собственную эфемерность и историчность. Она связана с аффективным и этическим осмыслением прошлого, а не с маскировкой нововывода под старину. В ее основе – двойное зрение, подобное фотографическому наложению прошлого и настоящего, повседневного и идеального»¹. Именно в смысле подобного рефлексивного измерения в статьях данного номера журнала анализируются различные опыты обращения к советскому прошлому.

Иными словами, ностальгия есть культурная практика, а не некое определенное содержание; ее формы, проявления и т.п. определяются культурными контекстами, тем местом, которое носители ностальгии занимают в настоящем. Соответственно внутренне это весьма дифференцированный опыт. Скажем, одно дело – обращение к прошлому у поколений, которые имеют опыт советской жизни, другое – у тех, кто родился и вырос уже после крушения советской системы и коммунизма. Очевидно, что различны ностальгические настроения у различных социальных, гендерных и профессиональных групп, у людей с различным уровнем образования и т.д. Именно поэтому то советское, о котором столь много сегодня говорят, уже не есть реально советское; это – символические формы, в которые вкладывается некоторое сегодняшнее содержание, связанное прежде всего с неудовлетворенностью настоящим. Иными словами, плодотворным тут представляется культуросоциологический подход к проблеме в духе идей Дж. Александра, позволяющий понять, почему те или иные повседневные «вещи» из прошлого оказываются иконически притягательными, причем в рамках именно «коллективного сознания», даже если для разума оче-

¹ Бойм, С. Руины и память, или Современность между прошлым и будущим // Неприкосновенный запас. 2013. № 3.

видно, что исторически и политически они себя изжили². Как правило, мы имеем дело с набором своеобразных мифов о советском прошлом, которые выражены в совокупности определенных символов, используемых людьми для понимания современности.

Исследовательница М. Тодорова³ совершенно права, говоря о том, что неверно трактовать такую ностальгию в качестве своего рода болезни. Скорее это появление новых типов интерпретации прошлого, своего рода естественный процесс, когда обществом переживаются радикальные перемены, причем перемены эти никогда не приводят к полной реализации исходных замыслов. И наступает время вписать прошлое и настоящее в некую единую канву, понять, что же произошло, почему не реализовались желания. В прошлом, еще раз подчеркнем, люди ищут опору, которая позволила бы справиться с настоящим. Советское наследие трактуется в формате, так сказать, «реперных точек» идентичности, того, что позволяет видеть направленность актуальных идентификационных практик, ориентированных прежде всего на изживание социально-исторических травм.

Сказанное означает, что, как бы мы ни оценивали нынешние реставрационные попытки относительно советского прошлого, нам нужен прежде всего аналитический подход к проблеме, а именно понимание неизбежности данного процесса, анализ того, как он вписывается в прошлое, настоящее и будущее, поиск моделей его адекватного объяснения. Во многом именно в таком ключе обращаются к проблеме советского и постсоветского авторы статей данного номера.

Практически все авторы в том или ином формате обращаются к советскому периоду истории Беларуси, что естественно, учитывая заявленную проблему номера. Особенно актуальным представляется осмысление опыта становления белорусской государственности, чему посвящена статья А. Чернякевича «Белорусская Народная Республика и советская власть: Берлинская конференция и предпосылки ликвидации правительства БНР». Анализ конкретных событий 1920-х гг. показывает, как важно изучить опыт несостоявшейся БНР, чтобы увидеть, как защитникам независимости Беларуси не стоит действовать сегодня. Конечно, сейчас другая ситуация, но моделирование социальных действий противоборствующими сторонами во многом происходит по тем же лекалам. И мы можем иметь такой же печальный результат. Иными словами, анализ событий почти столетней давности оказывается весьма актуальным в сегодняшних контекстах.

² См. подр.: *Alexander, J.C.* The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2003.

³ См. подр.: *Todorova, M.* Introduction. From Utopia to Propaganda and Back // *Todorova, M. and Gille, Z.* (eds.). Post-communist Nostalgia. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010.

Прояснение того, как нам нужно прочитывать прошлое в современном ключе и строить соответствующие социальные и культурные практики, мы можем увидеть в рассуждениях С. Стурейко в статье «Градозащитные движения в постсоветских городах: между маргинальностью и национальным интересом». Автор предлагает сравнительный анализ конкретных практик градозащитных движений Львова и Гродно уже постсоветского периода. Можно сказать, что движение защитников старой застройки является проявлением той же ностальгии по прошлому – как советскому, так и досоветскому. Но при этом, как вытекает из авторского анализа, фактически речь идет о том, чтобы оставлять неизменным установившийся порядок в доме в широком смысле слова. То содержание, которое вкладывается активистами в понятие «старого», может и не иметь отношения к реальной ценности наследия. И вместе с тем, как это часто бывает с постсоветскими движениями, внимание сосредоточено в основном на тактике, а не на стратегии и комплексном понимании ситуации. Как пишет автор, «в отношениях с памятниками действует примат этики над прагматикой». Вот такое этическое наполнение ностальгии по прошлому нам постоянно нужно иметь в виду, анализируя нынешнее восприятие советского.

В статье С. Харевского «Зачараваныя рэвалюцыяй. Лёсы мастакоў і архітэктараў Беларусі ў святле падзей 1917 года» анализируются судьбы ряда знаменитых художников XX столетия, жизнь которых в годы революции оказалась связанной с Беларусью, в том числе с витебской школой. Действительно, это были люди, «заколдованные революцией», принявшие революцию всерьез и стремившиеся служить ей. Но на родине творчество их было отвергнуто, а судьбы многих сложились трагически. Их, конечно, нельзя назвать представителями советского мира и советского искусства. Скорее, здесь можно найти материал для размышлений о том, почему такого рода системы и режимы отвергают творчество, необычность, свободу выражения, причем направленные на их же поддержку. Заметим, что в ряде постсоветских стран сегодня все более обнаруживается моделирование отношения к культуре по этим историческим образцам.

В статье А. Пигальской «Модерн плюс авангард: режимы конструирования советского и постсоветского дизайн-образования в БССР и Беларуси» показано, каким причудливым образом связанные с революцией новые направления в искусстве все же проникали в советскую культуру. Автор раскрывает этот процесс на основе сравнения советской и постсоветской моделей образования в сфере дизайна. В частности, советская модель под видом соцреализма фактически реализовывала официально отвергаемые модели искусства авангарда, что стало явно осознаваться уже на постсоветском этапе. В обоих случаях на дизайн возлагаются задачи преобразования самой социальной реальности, что перекрывает его прагматические интенции. Анализ позволяет увидеть, как нужно (и не нужно) развивать образование, причем не только в сфере дизайна, в контексте

Болонского процесса, в том числе и в Беларуси. Автор стремится при этом использовать язык современной социальной теории, что позволяет по-новому прочесть многие аспекты советского наследия в различных сферах культуры и социума.

Иными словами, мы наблюдаем разные практики прочтения советских культурных текстов, о чем, собственно, и идет речь практически во всех материалах данного номера журнала. Наглядно и объемно этот момент представлен в статье А. Игнатович «Производство гендерной субъективности советским детским кинематографом 1920-х – начала 1950-х годов». Анализируя ряд знаковых советских детских фильмов, автор сосредоточила внимание на советских, как правило, идеологических, моделях конструирования гендерных идентичностей и «счастливого детства» в целом, которые в реальности были подавлением личности ребенка, насилием над детьми и которые при этом неявно предлагали совсем иные гендерные практики, чем пропагандировавшиеся официально. И это очень важно видеть и понимать в контексте нынешней ностальгии по моральным ценностям традиционной семьи, которые якобы утверждались в советский период. Замечу, что статья Игнатович представляет собой хороший пример современных прочтений культурных артефактов ушедшей эпохи, что позволяет видеть совсем иные картины социальной жизни, выявлять подлинный смысл советского опыта производства нормативных субъективностей и тем самым более глубоко понимать, что происходит с этими субъективностями на постсоветском этапе.

Рассуждения Игнатович находят своеобразное продолжение и дополнение в материалах, связанных с творчеством белорусского фотографа Виталия Брусинского, в частности в серии снимков обнаженного тела, сделанных им на сломе советских гендерных порядков и первых опытов конструирования постсоветских, включая смену трактовок сексуальности. Последнее, возможно, было одним из первых явных знаков смены эпох и ценностей.

И рядом читаем комментарий Ю. Титовой к снятой ею анимации «Солигорск – город шахтеров». Речь в данном случае фактически идет о разрушении советской мифологии. Фраза, завершающая эссе Титовой, – «Но в сущности, чтобы завершить общее мифологическое безумие, должен этот советский Голем сделать шаг» – может вообще стать эпиграфом ко всему номеру журнала. Советский «каменный гость» может увести нас в могилу прошлого. И важно понять, какие усилия нужно предпринять, чтобы это подземное царство мертвых навсегда вернулось туда, откуда пришло.

Последние две статьи номера сосредоточены целиком на постсоветском материале. При этом они наглядно показывают, что понять этот опыт, однако, невозможно без советских коннотаций и отсылок.

Т. Чулицкая в статье «“Социальная справедливость” в официальном дискурсе в Беларуси: (пост-)советское понятие со множеством смыслов» обращается к

дискурсу социальной справедливости в контексте социальной конструкции, которую она вслед за Н. Фрейзер описывает как «постсоциалистическое состояние», где прежде подавляемые, скрываемые или непризнаваемые идентичности либо идентичности, описывавшиеся на неадекватном языке (см. статью Игнатович), выходят на поверхность и включаются в так называемую «борьбу за признание». Традиционному же дискурсу социальной справедливости, как правило, не остается места. В Беларуси, показывает Чулицкая, этому постсоциалистическому господству неолібериализма попытались противопоставить неосоветскую риторику справедливого общества. Правда, только внешне эта риторика носит «социалистический характер», в действительности же, в зависимости от ситуации, в нее вкладывается самое различное содержание, что также является нормативным для всей подобной риторики обращения к советскому наследию.

В статье К. Шталенковой «Символические функции денег в постсоветских странах: дизайн и политика» представляется другой аспект постсоветского противостояния советскому: формирование дизайна денежных знаков государств, возникших на развалинах СССР. Материал статьи позволяет наглядно увидеть, как постсоветские дискурсы выстраиваются в парадигме прямого противопоставления дискурсам советским. И в то же время в скрытой форме обнаруживаются различные проявления настроений ностальгии в сюжетах, изображаемых на монетах и банкнотах.

Анализ, представленный в статьях данного номера журнала, позволяет нам прийти к общему выводу о необходимости дальнейших поисков адекватных языков прочтения советского наследия. Один из примеров такого языка предлагается в книге Georgi M. Derluigian. 2005. *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus. A World-System Biography.* The University of Chicago Press, рецензия на которую подготовлена С. Любимовым. Конечно, возможны и иные языки, опирающиеся на новейшие достижения современной социальной теории. Журнал и в дальнейшем намерен обращаться к данной проблеме.